МОТИВ "СВЕТА" В ПОЭЗИИ ЛОМОНОСОВА И ДЕРЖАВИНА

Марта Хармат

В европейских литературах эпохи раннего Просвещения, прошедших уже свои "ренессансные, барочные и классицистические стадии" эманципации буржуазной индивидуальности, - в глубокой связи с рационалистическими основами просветительской философии - преобладают тенденции рационализма: постоянное стремление к идеалам, ожидание и упорное требование осуществления идей. Какую бы важную роль ни играли эти традиции в формировании русской литературы XVIII века, жадно впитывающей в себя идеи западноевропейского Просвещения, русский вариант просветительского мышления, - коренившийся, в самом деле, в своеобразных национальных традициях средневековья: в первую очередь, в идеях "всеобъемлющей любви" православия, провозглашающих человека с его естественными, телесными потребностями добрым от природы[1] - тесно связан, несмотря на его рационалистическую устремленность, со своими "эмпирическими корнями", с гармоническим духом древнего коллективизма[2]. Как ни парадоксально это звучит, именно "просвещенный абсолютизм", стремившийся быстро "нагнать упущенное" после долговременного господства средневековья в стране и "открыть окно" на Запад, создал - своими "общенациональными", "общегосударственными" успехами во всех областях жизни - плодородную почву для сохранения и дальнейшего развития тех стран, средневековогуманистических традиций, на основе которых смог вырасти оптимистический, "альтруистический" русский вариант просветительского мышления[3], представляющий человека с его рационалистическими стремлениями не как индивидуальную частицу вселенной, в оторванности от огромного целого, а как органическую часть и

---

[1] См. Az orthodox kereszténység. Szerk.: Dr. Berki Feriz, Bp., 1975, 332-335.

[2] См. Д.С. Лихачев. Заметки о русском, "Новый мир", 1980/3, стр. 10-34.

[3] Fejér Ádám. Racionális és empirikus beállitottság konfliktusa Anna Karenina tragédiájában. "Helikon", Bp., 1978/4, 498.

природы и государства.

В настоящей работе мы ставим перед собой целью показать при помощи изучения мотива "света" - одного из важнейших художественных элементов образной системы поэзии Ломоносова и Державина, главных представителей русской просветительской лирики ХУIII века - как видоизменяется рационалистическое мышление эпохи на русской почве, как оно дополняется и пронизывается элементами эмпирического восприятия окружающего мира. В данной статье мы отказываемся от исторического обзора развития мотива "света" в литературе вообще, ограничиваясь лишь установлением факта, что, начиная уже с самых древних времен, в образной системе художественных произведений "свет" всегда получал важную роль. В литературе эпохи Просвещения мотив "света" - как антипод всякого рода "туманов" и "мраков" человеческого бытия, как символ "идеального" - приобретает особенно важную функцию. Говоря о русской просветительской литературе ХУIII века, нам кажется целесообразным и плодотворным обратить особое внимание на различные формы и функции этого мотива, ведь "свет" - как часть "эмпирической полноты" мироздания, с одной стороны, а с другой, как символ всякого рода положительных ценностей бытия - намного теснее и естественнее связывается с русской литературой, наполненной чувствами гармонии и убежденного оптимизма, чем с любой из других европейских литератур.

Придерживаясь сравнительной точки зрения при анализе литературных произведений, сначала мы попытаемся установить, какое символическое значение имеет "свет" в европейских просветительских литературах вообще, чтобы потом указать на своеобразные тенденции в русской литературе ХУIII века. Многочисленные примеры могли бы доказать, что в европейских литературах ХУII-ХУIII вв. преобладает чисто рационалистическое восприятие "света", т.е. в образной системе литературных произведений "свет" выступает как цель, на достижение которой должны быть направлены все стремления человека. Для демонстрации конкретных форм такого рода рационалистического восприятия "света" в европейских литературах ХУII-ХУIII вв. мы приводим несколько при-

меров из французской, немецкой и венгерской литератур.

В трагедии Расина "Федра" [4], напр., борьба двух противоположных принципов "добра" и "зла" передается мощной символикой произведения, построенной на постоянном присутствии мотивов "света". Все, что представляет собой "чистое" и "правильное", жадно стремится к "ясному свету", к "солнцу", но этому стремлению препятствует роковая сила, "темная", необъяснимая и неукротимая разумом страсть.

В одах и элегиях Клопштока[5] страстно желанный "ясный свет" выступает в трех формах: в ранних стихотворениях Клопштока "свет" дружбы и любви прогоняет темные, страшные призраки индивидуальной смерти; позже источником "света" становится для поэта пантеистская вера в бога, которая просвечивает сквозь мрачные туманы сознания человека, бессильно склоняющегося перед неразрешимыми вопросами бытия; в ранний же период французской буржуазной революции "наступающее утро", "восходящее солнце" в поэзии Клопштока - это символ политических изменений во Франции, сигнал для немецкого народа, еще ищущего пути во мраке. Какое бы содержание ни передавалось мотивами "света" в стихотворениях Клопштока, для их лирического героя "свет" всегда является целью, достигаемым идеалом, который сам автор называет - подводя итоги в одной из своих последних од - "светом зрелого знания" [6].

Что касается мотивов "света" в произведениях венгерских лириков конца XVIII века, эти мотивы являются здесь тоже носителями рационалистического содержания. "Свет" выступает в поэзии венгерских просветителей как символ всеобщих идеалов Просвещения: как символ расцвета образования и наук, расширения

---

[4] Jean Racine összes drámai. Magyar Helikon, 1963, "Phaedra", ford. Somlyó György, 607-672.

[5] Friedrich Gottlieb Klopstock. Dichtung, Abhandlungen. Herausgegeben von Uwe K. Ketelsen, "Rowohlts Klassiker", Deutsche Literatur, Band 26, 1968.

[6] Там же, стр. 138.: "Durch das reinere Licht, diese reife Kenntnis.." /An die Dichter meiner Zeit/.

гражданских прав и свобод[7] и в сопровождении мотивов "света", с таким общим содержанием, иногда упоминаются и просвещенные Габсбургские императоры[8]. В большинстве случаев, однако, "свет" связывается со стремлением венгров к национальной независимости, с ностальгией о прошлом героизме и "свободном полете" при царствовании национальных королей[9].

В отличие от западноевропейских литератур, а также и от

---

7 Напр.: "..oszlik az elmék éjjeli homálya" - Bacsányi J.: A magyar iró. /Magyar irodalmi szöveggyüjtemény a felvilágosodás és nyelvujitás korának irodalmából, 2. kiadás, Bp., 1953, 370; в дальнейшем: Szgy. и страница/;

"Im, reménytek nem várt vig napja felderült;
Im, az igazságnak terjednek sugári,
Dőlnek a babona fertelmes oltári,
Melyek a setétség fene bálványának
Annyi századoktól vérrel áradának" - Bacsányi J., A látó /Szgy. 359/

"Vesd el a fátyolt! Kiderült egünkön/felvirradt a nap. Szemeit törülvén/látni kezd minden; s te magad maradhatsz/ősi homályban?" - Verseghy F.: Az igazsághoz. /Szgy. 325/;

"De már a szép hajnal piros szekerével
Fellépett egünkre óhajtott fényével.."
Ányos Pál: A szép tudományoknak áldozott versek, Szgy., 204/.

"..minket a világosság vezérl". - Kazinczy F.: "A vallástalan" /Szgy. 600/, stb.

8 Напр.: Ányos Pál: A szép tudományoknak áldozott versek /Szgy. 205/,
Berzsenyi D.: A tizennyolcadik század /Szgy. 737/ stb.

9 Напр.: "Második Andrásnak állitsd fel törvényét,
Ezzel visszanyered szabadságod fényét"
- Névtelen költő: Egy igaz magyar hazafinak versei, 1790 ápr./Szgy. 307./

"..hajdani fényünk Oly mély gyászba merüle.."

"Vedd szivedre te is népednek mostoha sorsát,
Hajdani nagy neve szép fényét s bus éjre hanyatló,
És örök álommal rémitő mái homályát" -

Bacsányi J.: Levél Szentjóbi Szabó Lászlóhoz /Szgy., 355, 357/;

"fényes csillag", "égő arculatod közibénk sugárzik", "ki ugy ragyogsz, mint Pharus égő Lángja az éj sivatag homályán" stb.

Berzsenyi D., Nagy Lajos és Hunyadi Mátyás /Berzsenyi Dániel versei. - Merényi Oszkár tanulmányaival, Bp., 1976, 89./

венгерской литературы, в которых все элементы образной системы произведений - в том числе и мотивы "света" - способствуют художественной передаче рационалистической точки зрения авторов, в русской литературе ХУIII века наблюдается своеобразное сочетание рационалистического мышления с изображением конкретных элементов эмпирической действительности. По отношению к мотивам "света" это значит, что для русского поэта ХУIII века "свет" является не только символическим обозначением рационалистической цели, но одновременно для него "свет" существует, как органическая часть, как животворящая сила материального мира, существование которого радостно констатирует мыслящий человек и яркими красками изображает художник. Все это убедительно можно подтвердить анализом мотивов "света" в одах Ломоносова и Державина.

Несмотря на то, что в центре поэтического творчества Л о м о н о с о в а - как и в других областях его деятельности - стоит постоянное и последовательное рационалистическое требование осуществления идеалов: как научных /в форме гипотез и мечтаний/, так и политических /в форме похвал и наставлений царям/, в его стихах мы редко встречаем "абстрактное сияние" света - в отрыве от эмпирической сущности. Так, напр., на "сиянии разума" /в чистой форме/ только один единственный раз построена поэтическая фигура /"По ясных знания восходах.. Невежества исчезнет тьма". - Ода 1764, 197[10]/. В некоторых местах отвлеченный "сердечный жар" "горит" в ломоносовских стихах /"Еще кипит сердечный жар" - Ода, 1748, 132; "жар в искренних сердцах" - Ода, 1754, 149; "мне жар велит сердечный" - Ода, 1759, 162; "сердце всех пылает" - Ода 1762, 188/, чем автор создает не символ индивидуального чувства любви, а выражает в эмоционально преувеличенной форме свою просветительскую веру, веру рационального мыслителя в идеального монарха.

Однако не выше цитированные и подобные, немногочисленные примеры "абстрактного сияния" характерны для поэзии Ломоносова.

---

[10] М.В. Ломоносов. Избранные произведения. М.-Л., 1965 /Далее цитаты даются по этому изданию/.

В образной системе его стихотворений, передающих в художественной форме либо представления ученого-мыслителя, либо идеи политика-просветителя, "свет" появляется, в первую очередь", не как символ абстрактной цели: свет солнца озаряет всю русскую землю со всем ее материальным богатством. "Солнце" ломоносовских од, как всемогущее божество, блистает "с вечной высоты.. на все земные красоты" /Ода, 1747, 121/ и как источник и творитель света "туманы, мраки разгоняя.. поля, леса, брега живит" и "в росе, в струях себя являет" /Ода, 1762, 188/, то есть активно "действует" в целях воспроизведения самого себя в земном творении, которое, однако, сохраняет свое автономное существование: "светило дневное блистает Лишь только на поверхность тел" /"Утреннее размышление", 221/, Несмотря на то, что согласно своеобразному /окрашенному пантеизмом/ деизму Ломоносова свет имеет божественное происхождение /"от всещедрого творца Приемлю луч вседневный" - Псалм 26, 203; "зарей божественного света" - Псалм 103, 211 и др./, солнце - как природное явление - неотделимо от эмпирии. В следующих строках "Утреннего размышления", дающих "научное описание" солнца: "Там огненны валы стремятся.. Там вихри пламенны крутятся, Там камни, как вода, кипят, Горящи там дожди шумят" /221/, четыре раза повторяющиеся "там" - в противопоставлении "здешнему", земному существованию - обозначают некую сверхъестественную обособленность. Сама сущность явления, однако, объясняется фактами эмпирии /"огненны валы стремятся", "вихри пламенны крутятся", "камни, как вода, кипят", "горящи дожди шумят"/. Нам кажется, именно на этой материальной общности солнца и земли основывается в поэзии Ломоносова способность всего предметного мира сиять подобно солнцу - хотя лишь отражая его свет.

Образ солнца в его связи с материальным миром, как эмпирическая основа рационалистической поэзии Ломоносова, составляет целую систему символов, к раскрытию которой ключ дает нередко сам Ломоносов. В поэзии Ломоносова царь /царица/, подобно солнцу, источнику света, получает свое всемогущество от бога

/"Небесными блеснув очами, Богини нашея устами законы вечные гласит" - Ода, 1764, 196/, но своими лучами он озаряет русскую землю, своим светом он "живит" подданных /"От вас Россия ожидает Счастливых и способных лет, На вас по всякой час взирает Как восходящий дневной свет" - Ода, 1745, 108/. Однако, как солнце и земля подчинены общим физическим законам, как земной мир - сохраняя свою автономность - под влиянием солнечных лучей сам сияет, царь и его подданные по натуре одинаковы, они подчинены общим законам природы, вследствие чего "обыкновенные" люди - сохраняя свою человеческую суверенность - от света просвещенного монарха сами способны сиять, распространять свет /"когда.. в зерцале жидком представляет Небесной ясности лазурь и солнце с высоты дивится, Что само толь глубоко зрится, - Так ты, о наших дней венец, Во внутренних грудях сияешь И светлый лик изображаешь в спокойной радости сердец", - Ода, 1762, 181-182,/ А царь - вопреки всем трудностям, при всяких условиях - должен служить делу просвещения, подобно тому, как солнце светит и тогда, когда туманы затмевают небо /"как вожделенный солнца луч Хотя не престая сияет; Скрывается от мрачных туч И не повсюду согревает, - Подобна милосерда власть, Любя себе врученну часть, Сияние дает всечасно, Чтоб греть и освещать народ; Но терпит действие прекрасно Урон от бранных непогод". - Ода, 1761, 172/.

В художественном оформлении своих идей Ломоносов вполне сознательно использует символическое значение слов для построения различных поэтических фигур, чтобы повысить силу и выразительность, эмоциональное воздействие поэтического слова. В обеих редакциях его "Риторики" подробно излагается сущность и значение тропов, особенно метафор, которые - по словам Ломоносова - "большую силу подают в знаменовании, нежели сами собственные слова", и которыми "идеи представляются много живее и великолепнее, нежели просто" [11].

---

[11] М.В. Ломоносов. Полное собрание сочинений, т. 7, М. -Л., 1959, стр. 50.

Ломоносов вполне сознательно пользуется и различными вариационными возможностями многозначности слова "свет". В качестве примеров приведем несколько характерных для Ломоносова художественных приемов:

1. Олицетворение солнца в образе божества. Солнце наделяется то свойствами и функциями "деистического" бога, объективного свидетеля жизни "земной твари": "Великое светило миру, Блистая с вечной высоты.. На все земные красоты, Во все страны свой взор возводит.." /Ода 1747, 121/, "Пространный видишь шар земной.. Ты радости свидетель" /Ода, 1745, 109/ и др., то оно изображается как божество языческих мифологий: "Восток и льдистый Океан Свои колена преклоняют И жертву ныне возжигают.. Пред солнцем, на земли светящим.." /Ода, 1746, 112/, "С горящей, солнце, колесницы, Низвед пресветлые зеницы.." /Ода, 1745, 108/, "Се солнце.. На север взор свой обращает.. Ермий наукам предводитель, И Марс, на брани победитель, Блистают совокупно с ним" /Ода, 1746, 117/ и др.

Однако, в каком бы образе божества ни олицетворялось солнце, оно "обращает свой взор" на Россию, на деятельность русских правителей, в чем наглядно выражается своеобразная национальная гордость русского Просвещения. "Солнце,.. В Российской ты державе всходишь, над нею дневный путь преводишь.. Ты нашей радости свидетель, Ты зришь усердий наших знак.." /Ода, 1745, 109/, "о прекрасная планета.. к нам веселый вид склоняешь, Взирая на Елисавет И купно на ее доброты.." /Ода, 1746, 113/, "Великое светило миру, Блистая с вечной высоты.. Во все страны свой взор возводит, Но краше в свете не находит Елисаветы и тебя /"возлюбленной тишины"/ /Ода, 1747, 121/ и так далее. /Патриотический пафос ломоносовских стихов подчеркивается повторяющимися формами 1 лица мн. числа личных и притяжательных местоимений, "гласом россиян верных"/ /Ода, 1743, 103/.

2. Непрерывный процесс метафоризации, то есть постоянное переключение с предметного значения слова на отвлеченное, и наоборот. В следующих строках, напр., в которых Елисавета "не-

бесного очами света На сродное им небо зрит. Надежда к богу в них сияет, И гнев со кротостью блистает, как видится зарница нам" /Ода, 1757, 158/, конкретные картины сияющего голубого неба и далекой зарницы представляют собой эмпирический фон для "небесного света" очей царицы и еще более абстрактных "сияния надежды" и "блеска гнева с кротостью".

В другой оде Ломоносова, в которой "Заря багряною рукою От утренних спокойных вод Выводит с солнцем за собою Твоей державы новый год. Благословенное начало Тебе, богиня, воссияло. И наших искренность сердец Пред троном вышнего пылает" /Ода, 1748, 128/, конкретная, "чувственная" заря проходит через процесс постепенного абстрагирования: заря новой эпохи, пришедшей с новой монархиней, ассоциируется еще с конкретным блеском царской власти, но в последнем двустишии полной отвлеченностью "пылает.. искренность сердец Пред троном вышнего".

В стихах, воспевающих величие и славу Петербурга: "Венцем, порфирою блистает, Покрыта лаврами глава. Там равной ревностью пылают Сердца, как стогны все сияют В исполненной утех ночи.. Петрополь, небу подражая, Подобны испустил лучи" /Ода, 1748, 133/, метафорический ряд в последнем двустишии /"Петрополь, небу подражая, Подобны испустил лучи"/ подготовляется тремя ступенями абстрагирования "света" /"стогны все сияют", "порфирою блистает", "сердца ревностью пылают"/.

В ломоносовских стихах часто наблюдается прием "включения" абстрактного понятия в конкретный, эмпирический образ света, следствием чего сразу же появляется символическое значение слов помимо их конкретного содержания, напр.: "светлый день.. блеск и <u>радость</u> изливает" /Ода, 1746, 110/, "натура ставит общий пир, Земля и <u>сердце в нас</u> нагрето" /Ода, 1743, 100/. "Российско солнце... Прогнало.. И ночи и <u>печали</u> тень" /Ода, 1752, 142/ и др.

Таким образом рационалистическое содержание метафорических рядов выражается - благодаря эмпирическому элементу - более наглядно и эффективно, и наоборот: эмпирические детали на-

полняются рационалистическим содержанием.

3. "Обратные сравнения и метафоры, в которых не эмпирией объясняется абстрактное понятие, а наоборот, эмпирическое явление сравнивается с абстракцией. Напр.: "о небес пресветло око,.. как наша радость, встань высоко, Пролей чистейший луч на тварь.., Сияй, как наш веселый дух Горит от радостного звука" /Ода, 1743, 100/.

"Обратные" сравнения и метаформы Ломоносова являются вообще средствами гиперболизации, как, напр., следующие слова, вложенные Ломоносовым в уста Екатерины II: "Господь.. Со мною солнце возжег" /Ода, 1764, 197/. Здесь абстрактное сияние "переключается" в конкретное с целью возвеличения заслуг императрицы - в полном соответствии с идеальными представлениями автора-просветителя о роли и задачах просвещенной монархини в России.

4. Эмпирическая детализация в абстрактных аллегориях и метафорах являлется важным средством усиления выразительности ломоносовского стиля: при передаче конкретных деталей отвлеченный образ становится более энергичным и пластичным. Это касается как отрицательных, так и положительных компонентов просветительского идеала, о чем свидетельствуют гротескно-ужасные, темные и кровавые картины "войны" и "смерти", с одной стороны, /напр.: аллегорическая картина "моря в ярости" - Ода 1746, 112; аллегорическая фигура "смерти" - Ода 1742, 92 и Ода, 1757, 161 и др./, а с другой, светлый образ "тишины" /Ода, 1747, 121, Ода, 1762, 187-188 и др./ и "здравая", яркая фигура монархини, как залог мира и счастья народа /Ода, 1764, 200 ; Разговор с Анакреоном, 290 и др./. Эмпирическая детализация, таким образом, ставится в поэзии Ломоносова на службу рационалистической идеализации действительности.

5. Для подчеркивания идеала Ломоносов часто пользуется антитетическим построением метафорических рядов. В его поэзии чаще всего противопоставляются друг другу мир и война /как самые важные факторы в реализации просветительских идеалов/ и

сопутствующие им мотивы "света" и "тьмы" /как носители символического содержания/: "Туманы, в ясны дни растайте", "Целуйся, молния росою" /Ода, 1743, 103/, "Сквозь дым небесный луч блистает! Сквозь волны, пламень вижу рай" /Ода, 1761, 174/ и др. В метафорических рядах Ломоносова, построенных на антитезе "мира" и "войны", очень важную роль играет уже выше упомянутый метод поэта: постоянное переключение понятий "света" и "тьмы" с предметного значения на отвлеченное /и наоборот/. Напр.: "Среди разгнанных мрачных бурь Всего пресветлее сияет Вокруг и злато и лазурь; Всесильный мир себя являет.." /Ода, 1761, 175/.

Стихотворение "Вечернее размышление о божием Величестве при случае Великого северного сияния" - выдающийся образец "научной лирики" Ломоносова - также построено на многократном антитетическом повторении мотивов "света" и "тьмы": с наступлением ночи "Лице свое скрывает день", но перед испытующим взглядом человека раскрывает свои чудеса "бездна звезд полна". Хотя и за "светом" знания скрывается "бездна" еще неоткрытых тайн, эмпирия, однако, представляет для разума все новые и новые факты: возможности для постепенного решения проблем. И в этой же мысли заключается самый существенный компонент оптимизма Ломоносова-просветителя.

В поэзии Державина своеобразный эмпиризм лирического восприятия материального мира наряду с рационалистическими стремлениями просвещенного мыслителя передается еще более наглядно мотивами "света", чем в поэзии Ломоносова. В многочисленных работах[12] указывается на роль и значение "света" и "кра-

---

[12] Б.М. Эйхенбаум. Державин /1916/. "Сквозь литературу" /Reprint/, Mouton, 1962; Г.А. Гуковский, Русская литература XVIII века. М., 1939, "Державин", стр. 389-424; Сб. статей "XVIII век" /8/: Державин и Карамзин в литературном движении XVIII - начала XIX века, Л., 1969; H. Kölle, Farbe, Licht und Klang in der malenden Poesie Derzavins, München, 1966 /Herausg. von Dm. Tschizewskij/ и др.

сок" в лирике Державина, как на главный элемент образной системы, композиции, и даже идейной структуры всего державинского творчества. Именно поэтому в настоящей работе мы не будем перечислять и более подробно анализировать мотивы "света" в стихотворениях Державина - особенно в их конкретных, сенсуальных формах проявления. Интерпретируя символическое значение мотивов "света", мы стараемся лишь показать, как продолжаются и как углубляются в просветительской поэзии Державина, считающегося самым оригинальным русским поэтом эпохи, древние традиции гармонического миропонимания и гуманизма, настолько сильно определившие специфический характер и ломоносовской поэзии и всего хода русской литературы ХУIII века.

В поэзии Державина - в еще большей степени, чем у Ломоносова - все частицы материального мира, все элементы микро- и макрокосмоса сияют, освещаются солнцем, блещут всеми красками радуги: "Пурпур, лазурь, злато, багрянец, С зеленью тень, слиясь с серебром.." /Радуга, 227/[13], "Когда в дуги твои сребристы Глядится красная заря: Какие пурпуры огнисты И розы пламенны, горя, С паденьем вод твоих катятся!" /Ключ, 3/, "Лучом кристалл твой загорится" /Ключ, 4/ и др. Звуковые и другие сенсуальные эффекты передаются вообще тоже вместе с мотивами "света": "А ты один, шумя, сверкаешь!" /Ключ, 4/, "То пурпур в ягодах, то бархат-пух грибов, Сребро трепещуще лещами" /Евгению. Жизнь званская, 238/. В борьбе стихий "свет" является всегда победителем над "тьмою", над "хаосом": "Ты исполинскими шагами Отовсюду прогоняешь мрак" /Гимн Солнцу/[14]. В поэзии Державина вся вселенная сияет, и вместе с нею сияет и человек, как ее малая органическая частица. Материальный мир со своим блеском, со своими яркими красками, существует, однако - по представлениям Державина - не для человека, не через его субъективные стремления и мечтания. Мир существует самоценно, живет своей

---

[13] Г. Державин, Стихотворения. Изд. Советский писатель, 1947. /В дальнейшем заглавия стихотворений и обозначения страниц относятся к этому изданию/.

[14] Цитируется по выше названной работе Б. Эйхенбаума, стр. 20.

автономной жизнью. Человек лишь констатирует его эмпирическое богатство, но констатирует его радостно. Это наглядно выражается и в многообразии точных перечислений звуков, красок и форм предметного мира, следующих после единственного глагола "сенсуальной рефлексии" субъекта: "Зрю на багрянец зарь, на солнце восходяще", "Пастушьего вблизи внимаю рога зов. Вдали тетеревей глухое токованье, Барашков в воздухе, в кустах свист соловьев, Рев крав, гром жолн и коней ржанье" /Евгению. Жизнь званская, 237/ и др.

Для субъекта, воспринимающего "блеск" всего мироздания, оказывается вполне естественным, что и малейшая частица космоса: "я" - кем бы это "я" ни было - тоже "сияет". Как солнце, "точный облик божества" /Гимн Солнцу/[15], "отовсюду прогоняет мрак", так и "я", отблекс божественного света /"Во мне себя изображаешь, Как солнце в малой капле вод" - Бог, 40/, умею творить свет. Именно поэтому может раздаться гордая и самоуверенная исповедь поэта-просветителя: "Я царь, - я раб, - я червь, - я бог!" /Бог, 41/. Для поэтического самосознания, коренившегося в просветительской идее "естественного равенства" людей, центральное значение имеет именно эта вера в возможность стать богом, стать творцом: "Лей свет в тьму" /Радуга, 228/ - обращается Державин к собственному "я", к "я" поэта и человека. В первую очередь, эта четкая просветительская программа, это сильное и последовательное стремление к "свету" обозначает рационалистические тенденции в целом эмпирической поэзии Державина.

В конце нашей работы мы еще раз подчеркиваем, что использование образов "света" и "солнца" в художественной литературе не нововведение Ломоносова и Державина. Они могли опираться и опирались на богатые традиции русского фольклора и древнерусской литературы, с одной стороны /напр., "солнце красное", "ясно солнышко","заря - солнцева сестрица" и другие мотивы русских народных песен и сказок, былин и "Слова о Полку Игореве" и

---

[15] Там же, стр. 19.

т.д./, а с другой стороны, на общеевропейское богатство литературного наследия: на библию, на традиции греко-латинской античности и на "реквизиты" западноевропейского Ренессанса, барокко и классицизма. В поэзии русского Просвещения, однако, мотивы "света" встречаются в таком чрезвычайном богатстве, и они наполняются таким специфически русским содержанием, что, по нашему убеждению, изучение мотивов "света" в образной системе русской просветительской поэзии в значительной мере способствует /и может способствовать и в дальнейшем/ определению национального своеобразия русской литературы вообще.